

усугублять ситуацию. Быстрый темп жизни и постоянная борьба за выживание могут оставлять мало времени на возникновение долгосрочных связей. Кроме того, зависимость от социальных сетей и других цифровых технологий может привести к изоляции и ограничению реальных социальных контактов.

Однако городская среда может, в равной мере, и предоставлять людям больше возможностей для саморазвития и самоутверждения. Состояние уединения позволяет людям более глубоко изучать себя, находить свои уникальные интересы и таланты.

На сегодняшний день одиночество – это наиболее обсуждаемая проблема. Зачастую – это сознательный выбор людей. Большинство людей не согласны с данным определением "одиночества". Им комфортно находится в таком состоянии, при этом они не испытывают негативных последствий, которые описываются в классическом понимании одиночества.

Одиночество в урбанистической культуре является сложным и многоаспектным явлением. Хотя оно может иметь как положительные, так и отрицательные аспекты, важно найти баланс и разработать стратегии для более здоровых и конструктивных взаимодействий в городской среде. Этого можно достичь посредством создания сообществ, участия в групповых активностях, обратившись за поддержкой к друзьям, семье или профессионалам.

Библиографические ссылки

1. Вирт, Л: Урбанизм как образ жизни. - М. : Strelka Press, 2016.
2. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь. - М.: Strelka Press, 2018.
3. Лэнг, О. Одинокый город. Упражнения в искусстве одиночества. - М.: Ад Маргинем, 2018.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. - М.: АСТ, 2016.
5. Парк Р., Баньковская С. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2022. Т. 2. №3. С. 3-12.

КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ СУБКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЁЖНЫХ СООБЩЕСТВ

Д.М. Манвелян

Субкультурный подход сформировался как фундаментальное понятие социологии молодежи и доминировал на протяжении всего XX века, не теряя свою фундаментальность и сейчас в постсоветских социологических школах, при этом отмечается потеря его актуальности, эвристичности, накопление ригидности и нечувствительности к реальным социальным образованиям молодежных сообществ. Стереотипы о молодежи, накопленные посредством субкультурного подхода, до сих пор доминируют в русскоязычном научном пространстве, «замыливая» научно-исследовательскую оптику многих современных авторов, девианизируя и даже «демонизируя» любые проявления молодежных сообществ. В попытке преодоления размытости теоретико-методологических границ субкультурного подхода, представлена теоретическая рефлексия данного подхода, а также сформулированы его основные релевантные положения.

Ключевые слова: субкультурный подход; Бирмингемская школа; субкультура; символическое сопротивление; статусная фрустрация; молодежные сообщества.

Научное изучение молодежи как социального объекта стало возможным только в конце XIX века, по причине того, что для исследователей сама по себе категория «молодежь» попросту отсутствовала в демографической структуре общества: общество делилось на взрослых и детей, в то время как промежуточная, переходная стадия взросления не была в фокусе их внимания. Выделение молодежи как социального объекта изучения обязано труду британского педагога А. Дейвана, в котором была описана молодежная преступная группировка скаттлеров, и введением понятия «подростковости» («отрочества») в двухтомной монографии американского психолога и педагога Г. С. Холла «Adolescence» (1904) [1; С. 71]. Следует отметить, что появление социологического внимания к молодежи как социальной группе было обусловлено проявлением конфликтогенного характера социального поведения молодежи. Большинство исследований начала XX века, а также последующее изучение молодежной субкультурности, были в первую очередь сконцентрированы на социально дезадаптированных, девиантных и аномичных социальных образованиях молодых людей. Молодежные преступные группировки изначально представлялись социологам, психологам и педагогам в структурированных и выраженных социальных формах, обладающих яркой гомогенностью ценностей, механизмов социальной организации, установок и направленности мировоззрения. Молодежные группировки вызывали общественный резонанс, социальное

беспокойство, а без предварительных социологических и психологических исследований, причины, мотивы, факторы организации представлялись ученым немотивированными, неутилитарными. Обладая этим девиантным бэкграундом первоначального изучения молодежной социальности, в социогуманитарных науках преобладает тотальное доминирование категории «субкультура» для рассмотрения всех коллективных форм социальной жизни молодежи.

Современные теоретики субкультурного подхода выделяют четыре этапа развития данной социологической концепции.

Первый этап связывается с исследованиями молодежных субкультур Чикагской школы, приходится на 1920-1950-ые годы. Подход представлен такими авторами, как Ф. Трэшером (изучение преступных молодежных группировок), В. Палмер (закрепление термина «субкультура»), Э. Х. Сазерлендом, Д. Р. Кресси и Д. Ф. Лакенбиллом (расширение теории о взаимосвязи социальной среды и делинквентности) и некоторыми современниками «не-чикагской школы», вступавшими в дискуссии: А.К. Коэном, М. Гордоном, Д.Ф. Шортом-младшим.

Социологи Чикагской школы обратили свое внимание на молодежные городские группировки, обладающие чертами преступных группировок [2; С. 24]. При этом, они стремились отойти от объяснения факторов преступности молодежных сообществ посредством доминировавшей в то время криминальной антропологии Ч. Ломброзо, детерминировавшей склонность к преступности врожденной биологией. Описывая делинквентные подростковые социальные образования, они утверждали о разделении группой общих ценностей, символического языка (жаргона), наличии закономерностей в направленности преступной деятельности (противодействие доминирующей культуре). В данном подходе делинквентность подобных группировок объяснялась поиском молодежью способа противостояния социальным конфликтам посредством коллективности [3; С. 72; 4; С. 3]. Таким образом, для представителей Чикагской школы субкультура представляла собой частное дезадаптивное проявление культуры в рамках доминирующей культуры.

Категория «субкультура» закрепилась в качестве социологического инструмента изучения молодежи ближе к 1950-ым годам. Большой вклад в насыщение субкультурного подхода новыми социальными чертами был привнесен работой А. К. Коэна. В качестве факторов и механизмов

формирования субкультурных образований, он выделял статусную фрустрацию (разочарование в собственном социальном положении, невозможность его «оправдать», достичь более высокого; несогласие с общепринятыми ценностями) и реактивное образование (социальная интеграция «в ответ на вызов»). Образование субкультур вызвано социальной несправедливостью классовой системы, неравномерным распределением материальных, культурных, властных ресурсов, в то время как объединение молодежи в субкультуры могло предложить коллективный способ разрешения социальных проблем посредством несогласия с доминирующими ценностями и демонстративного пренебрежения социальными нормами доминирующей культуры.

В качестве переходного этапа между идеями Чикагской и Бирмингемской школы, можно выделить британскую ювенологию. Оставаясь в аналитическом поле криминологии Ч. Ломброзо, они интерпретировали субкультурность как проявление психических расстройств, индивидуальных деградационных форм интеллекта, врожденных моральных дефектов. Субкультурность в рамках этого подхода рассматривалась исключительно как «социальная болезнь» [5; С. 94; 4; С. 5].

Наиболее острая критика биологизаторского объяснения механизмов образования субкультур была высказана на Британском Национальном симпозиуме девиантности в 1968 году. На данном симпозиуме был четко обозначен тезис о том, что не всякое проявление молодежной коллективности является делинкветным, криминалистическим. Сценарии социальной жизни субкультур в выражении и преодолении собственной социальной фрустрации могут быть выражены посредством творчества, в первую очередь музыки, а не преступных действий этих социальных образований [2; С.25].

Второй этап развития субкультурного подхода, оказавший, на наш взгляд, наиболее существенное влияние на понимание данной концепции, связан с Бирмингемским Центром современных культурных исследований. Наибольший вклад был привнесен в 1960-1970-ые годы такими представителями Бирмингемской школы как Р. Хоггарт, С. Холл, А. МакРобби, Д. Хебдиджи, Т. Джефферсон, П. Уиллис и другими.

Помимо непосредственных результатов исследовательской деятельности, Бирмингемский Центр современных культурных

исследований привнес в развитие методологии социологии культуры новый междисциплинарный подход «культурных исследований» («Cultural Studies»). Первоначально этот подход возник как развитие и переосмысление марксистской и неомарксистской критики, позднее сформировавшись в независимое самостоятельное междисциплинарное поле культурных исследований. Культурные исследования уделяют особое внимание социальным и политическим аспектам культуры, таким как этнос, раса, сексуальная ориентация, социо-экономические конструкты (статус, класс) [6]. Подход культурных исследований базируется на теоретическом представлении общества в контексте тотальной социокультурной множественности – классовой, расовой, этнической поликультурности. В рамках данного подхода исследовательский интерес привлекли новые социальные образования, маргинальные объекты и феномены, такие как: телевидение, сексуальная идентичность, поп-культура (новые жанры кино, сериалы, телевизионные шоу, комиксы и др.). Отражая культурную множественность современного социума, «культурные исследования» ввели такие понятия как «дискурс низших классов» и «дискурс меньшинств» [7].

Бирмингемская школа закрепила понимание субкультуры в неотделимой привязке к ее символическому социальному протесту. Новые теоретические аспекты субкультурного подхода были сформированы на концепциях культурной гегемонии А. Грамши, теории молодежной культуры Т. Парсонса, семиотики Р. Барта и структурной антропологии К. Леви-Стросса. В понимании Бирмингемской школы, субкультура – это молодежное сообщество, выстраивающее свою деятельность вокруг символического сопротивления классовому происхождению и неравенству. Символическое сопротивление находило отражение как в перформативных актах выражения своего недовольства, так и в закреплении новых, классово привязанных, жизненных стилях, представители которых демонстрировали искусственно созданный образ социального класса, к которому они не принадлежали. Для описания этого явления преодоления статусной фрустрации, исследователи Бирмингемского Центра ввели термин «сопротивление через ритуалы». Так как сопротивление социальному неравенству представителями этих субкультур имеет не реальный, а символический характер, поскольку для поддержания протестной деятельности необходима другая сторона,

способная интерпретировать этот символ как «бунт», то бирмингемские исследователи полагали, что участники субкультур конструируют собственный миф социальной мобильности посредством декодирования символов, социальных смыслов и контекстов классовой идентичности. Социальная организация вокруг сопротивления через ритуалы» предоставляла социально фрустрированным индивидам альтернативный доступ к социальным ресурсам, в том числе обретению идентификации, признанию социальной роли, чувства принадлежности к сообществу (преодолению маргинальности) и даже карьерному росту (внутри группы) [5; С. 73]

Третий и четвертый этапы развития субкультурной теории связаны, в первую очередь, с ее критикой и переосмыслением посредством нового теоретического подхода – постсубкультурности. Третий этап в значительной мере воплощается в непосредственной критике и полном отказе от категории «субкультура». Основными положениями критики субкультурного подхода выступали: во-первых, устойчивость, долговременность, территориальная и социальная «очерченность» субкультур; во-вторых, представление доминирующей культуры (в первую очередь, «культуры среднего класса») как монолитного, гомогенного социокультурного образования; в-третьих, символическая закрытость субкультур, все взаимодействие которых с «большой культурой» сводилось к сопротивлению, в то время как продукты субкультурного творчества проникали в поп-культуру, мейнстрим в некотором неаутентичном, более «нормальном» варианте. Помимо указанного, сами проявления молодежных солидарностей посредством распространения стилевых особенностей субкультур начали трансформацию, которая приводила к возникновению новых, более гетерогенных, не сконцентрированных на классе и борьбе, социальных структур (в первую очередь, групп демонстративного потребления).

Трансформация общества культурой постмодерна, всевозрастающее доминирование «общества потребления», развитие новых каналов распространения информации, взаимопроникновение культур, полигональность социума, актуализировали потребность в дефинировании новых молодежных сообществ. Для этого были предложены новые подходы и категории, такие как: неоплемена, жизненные стили, субпотoki, сцены, милье и т.д. Все эти подходы

объединялись новой фундаментальной категорией, предложенной постсубкультурными исследователями – категорией «флюидности». «Флюидность» подразумевала размытость и множественность культурных идентификаций молодежи, необязательность приобщения к сообществу и членству в нем, аморфность и легкую проницаемость социальных границ сообщества, построение идентификации посредством потребления, а не сопротивления и преодоления классового неравенства.

Четвертый этап развития идей субкультур знаменуется нарастающей критикой постсубкультурных концепций и возвращением к представлениям о молодежной коллективной самоорганизации в традициях Бирмингемской школы. Такие социологи как П. Ходкинсон, Т. Шилдрик, Р. МакДоналд указывают, что субкультурный подход не потерял свой эвристический потенциал.

Однако, мы предлагаем несколько другой фокус на преодоление возникших разногласий субкультурного и постсубкультурных подходов: рассмотрение частных кейсов молодежной солидарности. Следует признать, что не все молодежные сообщества являются субкультурой: поскольку, пытаясь расширить субкультурный подход так, чтобы он был способен объяснить каждое из молодежных сообществ, теоретики субкультурного подхода экстраполируют свойства субкультур на сообщества, очевидно ими не являющимися. Таким образом, пытаясь объяснить каждое сообщество уже существующей теоретической рамкой, спектр социальных характеристик субкультур все более расширяется, снижая объяснительную способность исследовательской парадигмы. Взгляд на субкультуру Бирмингемского Центра современных культурных исследований, на наш взгляд, дал исчерпывающую социальную картину подобных социальных образований и требует только подкрепления реальными, эмпирически измеряемыми, социальными объектами, способными предоставить релевантные эмпирические данные. Используя арсенал постсубкультурных подходов, можно совершить попытку выявить, насколько конкретная социальная группа укладывается в понимание молодежной солидарности, либо же, комбинировать их для дополнения и нивелирования недостатков друг друга. Следует остановиться на тезисе о том, что существуют субкультуры и постсубкультурные социальные образования, не отрицая реальность кого-либо из них.

Резюмировать субкультурный подход можно следующими специфическими социальными характеристиками: Функциональная деятельность субкультур – это символическое сопротивление классовой культуре, внешне направленный перформативный социальный протест. Субкультура – это коллективный способ разрешения социальных конфликтов для ее участников. Наличие унифицированной внешней символической атрибутики идентичности, сохраняющейся во всей повседневной жизни индивида. Субкультура обладает едиными ценностями, идеологией, устойчивой групповой идентичностью. Субкультура возникает в попытках индивидов коллективно преодолеть статусную фрустрацию. Строгость социальных и территориальных границ, закрепление городских пространств в качестве символической «территории» субкультуры. Подчеркнутое противопоставление мейнстриму, предпочтение андеграундных, «неформальных» творческих направлений.

Библиографические ссылки

1. Омельченко, Е. Л. Молодежь : Открытый вопрос / Е. Л. Омельченко. – Ульяновск : Симбирская книга, 2004. – 184 с.
2. Кудряшов, М. А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований / М. А. Кудряшов // Этнографическое обозрение. – СПб. : Центр молодежных исследования СПб. НИУ ВШЭ, 2014. - №1. – С. 23-32.
3. Омельченко, Е. Л. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ / Е. Л. Омельченко Е. Л., Поляков С. И. // Социологическое обозрение. – М. : НИУ ВШЭ, 2017. – Т. 16. - №2. – С. 111-132.
4. Blackman, Sh. Youth Subcultural Theory: A Critical Engagement with the Concept, Its Origins and Politics, from the Chicago School to Postmodernism / Sh. Blackman // Journal of Youth Studies. – 2005. – Vol. 8, iss. 1. – P. 1-20.
5. Омельченко, Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Л. Омельченко. – М. : Институт социологии РАН, 2000. – 264 с.
6. Тлостанова, М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – 399 с.
7. Усманова, А. Р. Культурные исследования // Постмодернизм : энциклопедия ; под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. – Минск : Книжный Дом, 2001. – 1040 с.